

ЭПИЧЕСКАЯ

ПОЭЗИЯ

Б И Б Л И О Т Е К А П О Э Т А
малая серия № 1

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР

Э П И Ч Е С К А Я **П О Э З И Я**

Общая редакция
М. Азадовского

Статьи,
редакция и примечания
А. Астаховой и Н. Андреева

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

1935

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Настоящей книгой открывается малая серия «Библиотеки поэта». «Библиотека поэта», основанная и руководимая М. Горьким, «ставит целью своей познакомить молодежь с историей русской поэзии и дать начинающим поэтам материал для технической учебы». ¹

В задачи «Библиотеки поэта» входит издание как крупнейших поэтов XVIII и XIX веков, так и авторов, менее известных современному читателю, но сыгравших существенную роль в развитии русского стиха. Вместе с тем предпринят сбор материалов по неисследованным до сих пор областям русской поэзии.

Неработанность истории русской поэзии и отсутствие проверенных текстов заставило редакцию «Библиотеки поэта» сосредоточить свое внимание на пересмотре памятников поэзии с текстовой стороны, что в ряде случаев изменило представление о художественном и общественном

---

¹ М. Горький, О Библиотеке поэта. Державин, Стихотворения, Изд-во Писателей в Ленинграде, 1933, стр. 16.

облике поэта, сложившееся в традиционной истории литературы.

В деле «Библиотека поэта» должна составить энциклопедию русской поэзии за два века ее существования.

Малая серия «Библиотеки поэта», базирующаяся на проделанной научно-исследовательской и текстологической работе, строится по принципу простоты и доступности. Она дает избранные произведения русских поэтов. Ее цель — познакомить широкие круги советского читателя и, в частности, подрастающие поэтические кадры с главнейшими явлениями русской поэзии. Первые два выпуска посвящены фольклору — эпосу и лирике. Дальнейшие — показывают последовательное развитие русской поэзии от синтактических виршей петровской эпохи до литературы предоктябрьской поры.

Всего серия содержит шестьдесят шесть книг:

1. Русский фольклор. Эпическая поэзия.
2. Русский фольклор. Крестьянская лирика.
3. Вирши (Полоцкий, Прокопович, Паус, Медведев, Истомина, Буслаев, Собакин, Кантемир).
4. Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков.
5. Поэты XVIII века (Херасков, Майков, Богданович, Петров, Попов, Капнист, Хемницер, Радищев).
6. Державин.

7. Карамзин и поэты его круга (Дмитриев, Милонов, Нелединский-Мелецкий, В. Пушкин).

8. Крылов — Басни.
9. Батюшков.
10. Востоков.
11. Гнедич.
12. Жуковский.
13. Вяземский.
14. Давыдов.
15. Кюхельбекер.
16. Катенин.
17. Рылеев.
18. Дельвиг.
19. Пушкин.
20. Баратынский.
21. Веневитинов, Хомяков, Шевырев.
22. Козлов и Подолинский.
23. Языков.
24. Полежаев.
25. Одоевский.
26. Лермонтов.
27. Кольцов.
28. Бенедиктов.
29. К. Павлова.
30. Мятлев.
31. Ершов.
32. Мей.
33. А. Григорьев.
34. Плещеев.
35. Никитин.
36. Огарев.
37. Тютчев.
38. Фет.

39. Майков.
40. Щербина.
41. А. Толстой.
42. Полонский.
43. К. Прутков.
44. Некрасов.
45. Добролюбов.
46. М. Михайлов.
47. Поэты «Искры».
48. Революционная поэзия эпохи народничества.
49. Надсон и Минский.
50. Апухтин.
51. Случевский.
52. Фофанов.
53. В. Соловьев.
54. Ф. Сологуб.
55. Брюсов.
56. И. Анненский.
57. Блок.
58. Белый.
59. Поэты-акмеисты.
60. Есенин.
61. Д. Бедный.
62. Хлебников.
63. Маяковский.
64. Поэты-футуристы.
65. Пролетарская поэзия (1895—1917).
66. Городской фольклор.

Как видно из плана, каждому поэту посвящен отдельный выпуск. Только в некоторых случаях объединены в один вы-

пуск два или три поэта, близкие по принципам своего творчества. Несколько выпусков серии представляют собой сборники или антологии, соединяющие поэтов, входящих в историю литературы как группа или объединение (например «Поэты „Искры“»), либо охватывающие значительный период в развитии русского стиха (сборники по поэзии XVIII и начала XIX века).

Каждый выпуск серии включает вступительную статью, тексты, примечания и библиографическую справку.

Вступительная статья содержит краткую биографию поэта, характеристику его литературных позиций и, как правило, характеристику особенностей поэтического мастерства. «Поэтам нашим, — пишет М. Горький в статье «О Библиотеке поэта», — нужно хорошо знать историю русской поэзии и знать, какими приемами техники слова пользовались поэты прошлого времени, как развивался, обогащался язык русской поэзии, как разнообразились формы стиха».

Тексты даются по первоисточникам (печатным и рукописным). Основным принципом расположения стихотворений является хронологический. Отступления допускаются лишь в тех случаях, когда сам поэт, в прижизненных изданиях, избирал жанровое или иное расположение своих произведений.

Учитывая, что малая серия предназначена для первоначальной литературной учебы, издательство снабжает книги краткими примечаниями справочного типа.

Аннотированная библиография ориентирует читателя в важнейших изданиях стихотворений поэта и в критической литературе о нем.

Выпуски серии выходят в свет в хронологическом порядке.

РУССКИЕ БЫЛИНЫ

1

Когда-то один из крупнейших русских исследователей былевого эпоса назвал его «обширным многовековым сооружением, полным таинственных ходов и переходов, с пристройками и надстройками от разных времен». «В этом здании, — писал он, — жили иногда князья, пристраивая к нему терема и вышки, украшая его византийской мусией и восточными коврами. В свое время пограбили в нем половцы и татары; в свое время проживали в нем московские бояре, ночевали казаки и, наконец, в кое-каких еще обитаемых закутах устроился неприхотливый олонедкий крестьянин».¹

Действительно, в том составе и виде, в каком былевой эпос дошел до нас, в устах последних его носителей — крестьянства и казачества — он представляет чрезвычайно сложное и во многом загадочное явление. Но, конечно, дело не только в том, что былина на протяжении своей многовековой

---

¹ В с. М и л л е р, Экскурсы в область русского народного эпоса. Предисловие, М., 1892.

Фольклорной жизни испытала ряд частичных изменений в виде «наслоений» или, по приведенному выражению, «пристроек» и «надстроек». Проблема былевого эпоса глубже и сложнее. Мы не знаем, в конечном счете, что представляли собой былины или те песни, которые легли в их основу, в древнейшую пору своего существования, так как самые ранние записи эпоса восходят только к XVII веку. Кроме записей нескольких исторических песен, сделанных для англичанина Ричарда Джемса в 1619—1620 году, мы имеем еще незначительное число рукописных текстов, внесенных в списки XVII—XVIII и начала XIX века, видимо, в целях занимательного чтения. Эти записи, так же как и позднейшие, XIX и XX веков, произведенные учеными собирателями, — уже коренная и органическая переработка каких-то древнейших основ, и все попытки, иногда чрезвычайно остроумные, воссоздать первоначальный вид былины остаются спорными, а изыскания о происхождении той или иной былины не выходят за пределы более или менее вероятных предположений.

Однако несомненно, что эти неизвестные нам основы значительной части былевого эпоса мы должны искать в ранних веках феодализма. К ним приводят нас не только яркие зарисовки характернейших черт исторической обстановки этого периода, но и определенные следы феодальной идеологии,

конкретно — идеологии княжеско-дружинного класса.

Широкие степные просторы — «раздолье чистое поле», «заставы богатырские», эти пограничные сторожевые посты, стерегущие подступы к Киеву, кровавые схватки с врагами, осмелившимися проникнуть в пределы русских владений, осмелившимися угрожать русскому князю: «что возьмет Калин царь стольной Киев-град, а Владимира князя в полон полонит», — все это яркие, живые отражения реального исторического прошлого. Это — киевская Русь с ее неустанной, упорной борьбой со «степью», с ее непрекращающимся «военным положением», порожденным своего рода торговой конкуренцией русских князей с кочевниками и необходимостью ограждать регулярные торговые отношения от грозящих опасностей.

Идеологическая направленность древнейшего ядра былевого эпоса обнаруживает и ту социальную среду, в которой оно сложилось. Не только отмеченная тематика — все эти военные подвиги, бои, схватки, не только бытовая военная обстановка, но и общий характер центрального образа — «славного могучего богатыря» ведет нас к княжеско-дружинной среде. Именно эта среда была наиболее заинтересована в прославлении и увековечении выдающихся событий своего времени: походов, боевых столкновений, побед. Ряд свидетельств лето-

писей и древнерусских писателей говорит нам о существовании особых дружинных певцов-поэтов, «песнетворцев», которые «песни пояху» князьям, совершившим военные подвиги, и которые «преклоняли своя слухы в бывшая рати и ополчение да украсят словесы». Поэтический образ такого дружинного певца запечатлен самой былиной (Добрыня).

Характерно, что в былинах, возникших на основе этой княжеско-дружинной поэзии, все внимание по преимуществу уделяется подвигам богатырей-дружинников, подвиги самих князей воспеваются значительно реже; сплошь и рядом подчеркивается огромное значение дружины и зависимость от нее князя. В былине о Калине царе рассказывается, как получает Владимир предложение Калина сдать Киев «без боя, без драки»:

Владимир князь запечалился,
А наскоре ярлыки распечатывал и
просматривал.

Глядячи в ярлыки, заплакал вслед:
«По грехам над князем учинилось, —
Богатырей в Киеве не случилось,
А Калин царь под стеной стоит.»¹

В то же время былины донесли до нас и отзвуки внутреннего антагонизма в кня-

---

¹ К и р ш а Д а н и л о в, Древнерусские стихотворения, № 163, изд. 3, М., 1878.

жеско-дружинной среде. Богатыри отказываются защищать Киев, потому что Владимир больше жалуется «князей-бояр», чем их. «Князья-бояра» — это князья мужи, бояре киевской Руси, верхний слой, «старшая дружина», оседлая, богатая, пополнявшаяся из класса богатых местных землевладельцев. У младшей дружины, несшей военную службу, были свои счеты с этими ближайшими советниками князя из числа его «думы». С особой силой расслоение внутри дружины выражено в одном из самых замечательных вариантов былины о Калине царе известного сказителя времени Гильфердинга — Трофима Григорьевича Рябинина:

Да не будем мы беречь князя Владимира
Да еще с Опраксой королевичной:
У него ведь есте много да князей бояр,
Кормит их и поит да и жалуется,
Ничего нам нет от князя от Владимира.¹

Былина отразила по преимуществу общее направление интересов и весь военно-кочевой быт именно этого второго слоя дружины. Все это привело исследователей к предположению, что «древнерусские воинские былины имеют два слоя: один составлен из хвалебных песен в честь князей, другой, более значительный по количеству,

---

¹ Гильфердинг, Онежские былины, № 73 СПб. 1873.

возник из недр самой дружины и выдвинул героев богат ырей-дружинников, естественно выставлявших на первый план свои социальные интересы и чувства, далеко и не всегда совпадавшие с интересами набравшего их к себе на службу князя». ¹

Что касается образов врага, с которым в былинах сражаются богатыри, то в них отразились и смешались воспоминания о различных событиях, бывших в разные исторические периоды: впечатления ранних времен от столкновений с хазарами, а затем с печенегами, более поздние — с половцами, борьба с которыми была особенно затяжной и трудной, и, наконец, впечатления татарщины. Последняя оказала особенно большое влияние на былевой эпос. Нашествие татар стало источником сложения новых эпических песен. Таковы, например, все былины о Калине, Батыге, Скурле, Мамаевом побоище и т. п. Но и в древнейший слой тоже вплетаются новые впечатления: «татарин поганый» как враг богатыря — постоянная фигура былины и даже тех из них, где мы можем предположить более старую основу, возникшую еще в ранние периоды борьбы с кочевниками.

Военные темы — лишь часть содержания эпического наследия. Другие исторические

---

¹ Б. М. Соколов, Русский фольклор, М., 1931, стр. 60.

явления эпохи феодализма — рост боярства и ослабление власти князей в больших торговых городах, борьба городских партий, заморская торговля, вообще торговые интересы и осознание силы торгового капитала, быт и нравы торговой буржуазии — также нашли в былинах яркое отражение.

Как и в отношении первой группы былин мы не можем и здесь в большинстве случаев с полной уверенностью приурочить ту или иную былинку к определенному месту или времени, установить конкретное событие, легшее в основу былины; опять-таки многие изыскания в этой области имеют лишь бóльшую или меньшую степень вероятия. Но общий характер жизни большого феодального города в преломлении сознания торговой буржуазии передан сильно и красочно. Бой-драка Василия Буслаевича с «мужиками новгородскими» как отражение борьбы общественных групп в среде самой социальной верхушки — бояр и богатого купечества, «велик заклад Садко», «повыкупить товары новгородские» — поэтическое воспроизведение торговой конкуренции, столкновение богатых «гостей» с князем, в результате которого посрамленный и униженный князь дает право «торговать безданно и беспошлинно», — все это драгоценнейшие черты прошлого, облеченные в высокохудожественные образы.

В сложении этих былин-новелл, как их обычно называют в отличие от воинских

или «боевых», большую роль сыграли скоморохи. Эти профессиональные потешники, артисты, музыканты, фокусники, постоянные участники пиров, свадеб и всякого рода празднеств, в области эпической поэзии явились до известной степени преемниками дружинных певцов, переняв от них и их песни и искусство играть на гуслях. С течением времени обе эти категории певцов слились вместе, образовав единую категорию скоморохов — веселых людей.

Мы не можем в точности указать, когда окончательно оформилась былина, получив тот композиционный и ритмический строй, в котором она дошла до нас. Но несомненно, что главное место в деле этого оформления принадлежит именно скоморохам, заинтересованным как в выработке всех художественных приемов, направленных на овладение вниманием слушателя, — особых зачинов, прибауток и т. п., так и приемов, помогающих запоминать и удерживать в памяти огромное количество стихов. Они производили отбор наиболее актуальных песен, соответственно интересам и вкусам тех общественных классов, которым они служили; они же подвергали их переработке. Но они, как уже выше сказано, слагали и новые песни-былины, преимущественно новеллистического типа с увлекательной интригой, с романическим сюжетом, богато насыщенные бытом того класса, для раз-

влечения которого они служили. Им же, несомненно, принадлежат и былины юмористического характера, в которых нередко действующими лицами являлись сами скорморохи. К более поздним образованиям в области эпической поэзии нужно отнести также и былины, приближающиеся к типу баллад, в сжатой и напряженной форме повествующие о каком-нибудь исключительном эпизоде семейно-бытового характера и заключающие часто яркие штрихи феодальных понятий о чести, положении и роли женщины и т. п.

Необходимо отметить еще одну категорию участников формирования былевого эпоса: церковно-паломническую среду — пилигримов, странников по святым местам, «калик». Творчеству их принадлежит не только религиозный эпос — духовные стихи, но и известная доля в обработке некоторых былин. В этом находит свое объяснение наличие в былинах ряда мотивов житийных и апокрифических.

Бродячий образ жизни профессиональных слагателей былин обусловил широкое использование эпосом международных сюжетов и мотивов. Мы находим целый ряд параллелей между русским эпосом и сказаниями других стран — Востока и Запада. Так, например, на создание былины о бое Ильи Муромца с сыном несомненное воздействие оказали восточные иранские сказания о Рустеме и его сыне Сохрабе-Зорабе,

на былинах о женитьбе Владимира («Дунай») отразились скандинавские сказания и песни о Брунгильде и т. д.

Итак, процесс создания былин хронологически охватывает очень длительный период, начиная с X века. Былины создавались в различных областях феодальной Руси — Киевской, Галицко-Волынской, Ростово-Суздальской, в Новгороде. В XV—XVII веках занесенные в Московскую область былины подвергаются новым переработкам в соответствии с идеологией новой среды — боярской, казаческой и др. Одновременно не прекращается и образование новых песен. Это формирование былевого эпоса нужно считать в основном законченным в XVII веке. Однако, как мы увидим ниже, живые творческие процессы продолжают сопутствовать былине и в новых условиях бытования, среди крестьянства и казачества, куда она в дальнейшем попадает.

Трудность изучения и осознания исторического смысла былинных образов именно в том, что они не являлись застывшими, раз навсегда данными, а вбирали в себя черты различных идеологий на протяжении целого ряда исторических эпох. В этом отношении особенно показательной является историческая судьба былинного образа Ильи Муромца.

В том, как он дан в ряде древнейших былин, слились и воплотились идеальные представления княжеско-дружинной среды о воине-дружиннике. Это образ огромной и осознающей себя силы, спокойной и уравновешенной. Храбрость его велика, но без ненужного и вредного задора. В минуту опасности именно Илья Муромец оказывает помощь. Он всегда победитель. Поражение его может быть лишь временным и всегда обусловлено несчастным случаем:

Махнет Илейко ручкой правою, —
Поскользлит у Илейки ножка левая,
Пал Илья на сыру землю.¹

Этот идеал богатыря — защитника князя и «матушки Руси земли» — несомненно объединял направленность интересов как князя, так и дружины и был общим для обоих слоев последней. Отмеченный облик дополняется еще чертой благочестия и набожности, особо важной в глазах правящего класса, опиравшегося на поддержку церкви. Эта черта, яркий след идеологии, прививаемой сверху, тоже донесена в ряде былин до настоящего времени.

Но такой образ не остается неподвижным. В обрисовку Ильи Муромца вторгаются совершенно иные черты.

---

¹ П. В. Киреевский, Песни, т. I, в. 1, М., 1863, стр. 31.

Он дружит с «голями кабацкими», которых называет «своими людьми». Обиженный князем Владимиром, он стреляет по церквам, сбивает «маковки золоченые» и пропивает их с голями в кабаке. Чтоб угостить их, он даже бросает свой «чуден золот крест» на прилавок. В противоположность спокойному, владеющему собой богатырю, мы видим разбушевавшегося бунтаря.

А что мне молодцу буде поделати,
А я нынь молодец е розгневанной,
А я нынь молодец е раздраженной.¹

В другой былине он обзывает Владимира «собакой», говоря, что не ради него он идет на борьбу с Калином; срывает «золотые ключи», объявляя: «завтра сам буду править княжеством», грозит Владимиру убийством и т. д.

В то же время сам князь Владимир выводится крайне ничтожным. Он трусит, ищет примирения с Ильей Муромцем, устраивает специально для него пир, всячески старается его задобрить и т. д.

В таком изображении Ильи Муромца заключены явные ноты социального протеста. Такой именно образ бунтаря совершенно не соответствует общей идеологической настроенности дружинной среды. Здесь чувствуются уже отзвуки более

---

¹ А. Ф. Гильфердинг, Онежские былины, СПб., 1873, стр. 234.

позднего времени. Предполагают, что на эти былины наложило свой отпечаток начало XVII века — эпоха массовых движений, направленных против московского правительства и господствующих классов. Именно в это время, когда происходит казачья революция, вызванная крайним обострением отношений между правительством и казаками, когда (несколько позже), к казакам примыкают крестьянские массы, доведенные жестокой эксплуатацией помещиков до крайней степени разорения и обнищания, — и мог быть создан новый образ Ильи Муромца — бесшабашного удалца и протестанта. В буятарских выходках его следует видеть протест угнетенных слоев, преимущественно казачьей среды, против правительства, правящего класса и церкви. В этом и заключается большой исторический и социальный смысл былин о ссоре с Владимиром и о голях кабацких. Для этой же эпохи характерен также образ жалкого, приниженного правителя, дрожащего от страха перед разбушевавшимися народными массами. Возможно, что уже в эту пору начинает появляться в былинах об Илье Муромце и самое наименование его — «старый казак».

Последний этап в исторической судьбе былины — это бытование ее в крестьянской и казачьей среде. Отражение казачьих настроений XVII века на образе Ильи Муромца мы отметили. В дальнейшем мы находим

уже полное превращение Ильи Муромца-дружинника в атамана казаков, предводителя их в борьбе с татарами и турками. Таковы былины, записанные среди казаков и в Сибири, об Илье Муромце на Соколке-корабле, а также многочисленные казачьи песни о «старом казаке-атамане» — Илье Муромце.

Крестьянство по-своему преломило, окрасило образ Ильи Муромца, идеального воина-дружинника феодальной эпохи. Некоторые из его черт оказались в этом новом преломлении близкими и понятными определенным слоям крестьянства. Илья Муромец защищает страну, землю от врагов, которые ее разоряют. Он стоит «за вдов, за сирот, за бедных людей». Он борется с разбойниками, от которых страдает население. Он самый сильный, самый храбрый, только на него можно положиться в трудную минуту. В эту характеристику вкладывалось содержание, отвечающее идеологии той основной массы крестьянства, для которой такое значение имели земля, собственность, хозяйство. Образ, дошедший из глубины веков, получает новую социальную функцию. Наиболее консервативные слои любовно культивировали также такие черты, как патриотизм и благочестие.

С другой стороны, в слоях бедняцких, оппозиционно настроенных, живейшее сочувствие вызывали иные моменты в былинах об Илье Муромце: противопоставление

его и других богатырей князьям и боярам «толстобрюхим», «кособрюхим», беспомощность князя, которого из беды может выручить только Илья Муромец, самое бунтарство богатыря, вызванное несправедливым отношением к нему князя, который обижает и оскорбляет своего «да что лучшего, а что лучшего, да лучшего богатыря». Таким образом, существование в крестьянской среде разных образов Ильи Муромца говорит о тех идеологических противоречиях, которые были так характерны для разнородной по социальному составу крестьянской среды.

Илья Муромец и в новой среде остается самым популярным богатырем. Естественно поэтому и последнее превращение его в крестьянского сына.

С наибольшей силой тенденция превращения дружинника в крестьянина выразилась в одной из самых поздних былин об исцелении Ильи Муромца. Здесь особенно выдвигается его отношение к крестьянскому хозяйству. Первый подвиг после получения здоровья и силы Илья Муромец совершает на хозяйственном фронте.

Он дубье-колоды все повырубил,
В глубоку реку повыгрузил,
А сам и шел домой... и т. д.¹

---

¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. I, М., 1861, стр. 35.

В этом отношении особенно интересен один из более поздних вариантов, в котором оказанная родителям помощь описана в красках, особенно характерных для крестьянина:

А пошел он как хранить полё ётцовское,
Он завидел-де в поле нонце скот ходит,
Он как из поля скота нонце выганивал,
Кабы полё то сырым дубом огораживал,
Он ведь рвал тут как дубьидо с корень-
ицом,
Он оклал-огородил людям на юдивленьицо.¹

Образ Ильи, наиболее сложный и запутанный из всех эпических образов, вызвал обширную литературу. На анализе его четко выявились основные тенденции дореволюционных научных течений. Мифологи со своих славянофильских позиций — реакционного крепостнического дворянства — видели «в эпическом типе Муромца много великих доблестей идеального героя», воплощение высоких «общенравственных» черт. Корни этого они усматривали в «духе общины», который впитал в себя образ Ильи Муромца, выработавшийся из первоначального мифического образа бога-громовника и прошедший через посредствующий образ Ильи-пророка. По мысли мифологов, именно «общинная струя», насытив-

---

¹ О н ч у к о в, Печорские былины, № 53, СПб., 1904.

шая эпический образ Ильи, и привела к тому, что он сделался выразителем нравственных идеалов «всего народа». Характерно, что те былины, которые разбивали эту концепцию, мифологи просто отбрасывали, как «пересказы, стоящие совершенно особняком»¹ и несущие следы «позднейшей бытовой грубости» и «исторически вынужденной жестокости народа».²

В противовес славянофильско-мифологическим теориям первые представители сравнительной школы, отразившие буржуазно-западнические взгляды, подчеркивали в образе Ильи черты чуждого, нерусского происхождения, восточного и западного. В их работах образ Ильи совершенно утрачивал национальные черты. Вместе с тем конкретная социальная действительность, определившая этот образ во всей его сложности и противоречивости, ими совершенно игнорировалась.

Однако в дальнейшем, разгромив националистско-замкнутые концепции славянофильства, компаративизм как идеология крепнувшей буржуазии, с ее задачами изучения реальной среды и конкретной действительности, должен был неизбежно выдвинуть задачу вскрытия исторических основ былевого эпоса. Эту миссию выпол-

---

¹ Орест Миллер, *Илья Муромец и богатырство киевское*, СПб., 1870, стр. 801, примеч.

² *Ibid.*, стр. 804.

няла историческая школа, возглавляемая Вс. Миллером. Он и его ученики (особенно А. Марков) уже отчетливо видели роль различных социальных элементов в создании сложного образа главного героя русского эпоса (Марков даже говорил о классовых основах). Но они не сумели увидеть в этом процессе органической переработки, заново переосмысляющей всю былинку в целом, а видели лишь определенный социальный «пласт», под которым, казалось им, легко рассмотреть древнейшую основу былинки. Стоя на позиции буржуазного социологизма, Миллер не понимал также всей творческой силы социальных противоречий. Правильно вскрыв в былинке о ссоре Ильи Муромца с Владимиром и о голях кабацких преломление протеста казачьей среды начала XVII века, он в аналогичной былинке о Василии Игнатьеве видел лишь продукт «грубой среды любителей кружала государева», «кабацких заседателей», «веселых людей скоморохов», смакующих, по его выражению, «кабацкие сцены», «зелено вино» и проч.¹ Он совершенно не учитывал большого социально-исторического значения этой былинки, в которой роль спасителя Киева, Ильи Муромца, перенесена на Василия Игнатьева, представителя голя, что заостряет былинку в сторону противопоставления господству-

---

¹ Вс. Миллер. Очерки русской народной словесности, в. 1, М., 1897, стр. 310.

ющему классу не младшей дружины — богатырей, и не «крестьянского сына», а самых низов социальной лестницы.

Мы задержались выше на трансформации эпического образа Ильи Муромца в виду особого интереса и показательности прослеженного процесса. Но аналогичные явления мы наблюдаем и в жизни других былинных образов. Так, например, ранний образ Алеши Поповича вполне положителен. Он «смелый Олешенька Попович млад». Смелость отмечается как главное его качество. Он хитер и находчив в столкновении с врагом. Таков Алеша Попович в ранних воинских былинах. Следы этого образа сохранились и в других былинах в постоянном эпитете Алеши «смелый».

В руках скоморохов Алеша Попович становится одним из главных героев романтических историй былин-новелл. Именно в среде скоморохов, идущих навстречу социальным настроениям своих потребителей, в данном случае мелкого городского населения и крестьянства, используется историческое прозвище Алеши — Попович, и образ Алеши получает социальную оценку как представителя «поповских родов».

Алешенька рода поповского;
Поповские глаза завидушие,
Поповские руки загребушие;
Увидит Алеша на нахвальщике
Много злата, сѣребра, —

Злату Алеша позавидует,
Погинёт Алеша понапрасному.¹

Этот социальный мотив крепко входит в былинную традицию. Особенное заострение он получает при подчеркивании некрестьянского происхождения Алеша:

А Олеша не роду да хрестьянского,
А Олеша та роду да все поповского,
Ише руки у Олеша да загребушие
А глаза у Олеша да завидушие и т. д.²

Алеша Попович превращается в комическую фигуру. Взамен храбрости начинают подчеркиваться черты хитрости, хвастливости и неразумного задора, трусости. Алеше придаются черты женского прелестника. Он «бабий пересмешник», «дивочий надсмешник», «похавный вор».³

Чрезвычайно интересна также судьба и переосмысление на различных этапах жизни былин образа князя Владимира, вокруг которого собираются богатыри.

Сопоставление былинных деталей с летописными данными говорит о том, что в этом эпическом образе преломились и скрестились воспоминания о двух истори-

---

¹ Песни, собранные П. В. Киреевским, № 46, вып. 1, М., 1863.

² Архангельские былины и исторические песни, собр. А. Д. Григорьевым, т. III, СПб., 1910, стр. 323.

³ В этом заострении сатирических черт в образе Алеша сыграло роль и то, что с церковью скomorохи жили не в ладах.

ческих Владимирах: князе Владимире Святославовиче конца X и начала XI веков и популярном князе XII века — Владимире Мономахе. Первый, «типичный князь варяг, полукупец, полуразбойник, начальник наемной дружины, правительственная деятельность которого ограничивалась сбором дани с подвластных племен»,¹ впоследствии объявляет христианство официальной религией и в церковной организации получает новое оружие для эксплуатации. Этот князь, деятельность которого отвечала интересам высшего класса, нашел очень сочувственное изображение на страницах летописи. Летописцы — придворные историки — старались подчеркнуть его заботу о дружине, описывали, например, пиры, которые он для дружины устраивал, и т. п. Эти черты совпадают с былинным образом «ласкового Владимира Красное солнышко». Кроме того в основе ряда былин установлены определенные исторические эпизоды, связанные с личностью князя Владимира Святославовича.

Владимир Мономах, один из крупнейших феодалов древней Руси, к концу своей жизни объединивший в своих руках и в руках своей семьи почти три четверти тогдашней Руси, вел энергичную борьбу с половцами, наиболее опасными врагами

---

¹ Большая советская энциклопедия, т. XI, М., 1930, стр. 571.

киевской торговли в XII веке. Это сделало его популярным как среди верхушки, так и в массах, страдавших от половецких набегов. Популярность Мономаха еще более выросла после киевской революции начала XII века, когда он искусной дипломатической социальной политикой (уступками мелкому городскому люду и смердам) восстановил спокойствие.

Но рядом со следами сочувственного отношения к этим князьям, сохранными по преимуществу в застывших хвалебных эпитетах, мы наблюдаем в былинах явную тенденцию к снижению образа князя, идущую, как это уже было отмечено, от настроений младшей дружины. Выше мы видели черты беспомощного и в то же время несправедливого «властителя», которому вместе с его «князьями-боярами» противопоставляются младшие дружинники-богатыри, совершающие труднейшие подвиги и часто не получающие за это от князя должной награды. Эти отголоски социальных взаимоотношений раннего феодализма должны были особенно приттись по вкусу боярской и купеческой среде тех богатых торговых городов, которые соперничали и вели борьбу с князьями-феодалами. Здесь эти черты, ведущие к развенчанию князя, получили особое усиление и дальнейшее развитие. Владимиру присваивают роль сводника, поддерживающего интригана Алешу всеми неблагоприятными средствами,

вплоть до угроз и обмана, заставляющего жену Добрыни Никитича «от живого мужа» итти под венец с Алешей. Заключительный укор Добрыни по адресу Владимира в целом ряде вариантов данной былины оттеняет и подчеркивает неблагоприятность поступка князя.

Владимир ежечасно посрамляется не только богатырями, но и боярами, и «гостями», приезжающими из других городов и мест, при этом заключительное разрешение униженным Владимиром: «а торгуй в нашом во-ó граде во Кieve, ты во Кieve во граде век без пошлыны» — вышукло передает основную направленность той среды, в которой культивировалась былина на определенном историческом этапе.

Наконец, на том же образе былинного Владимира сказались впоследствии и впечатления от московских царей и обстановки их двора.

С одной стороны, в него вносятся черты деспотизма, например, рассказывается об отсылке неугодных Владимиру богатырей на «службу великую» с целью их гибели, с другой стороны—резкое изображение князя, обезличенного «боярами толстобрюхими», с которыми он «думу думает» и против которых он «ничего говорить не смет», — переносит нас в сферу тех настроений московского поместного дворянства и купечества, которые подготовили государственный переворот середины

XVI века, направленный на ликвидацию «боярщины».

Так видоизменялся и переосмыслялся былинный образ в период наиболее интенсивной жизни былины, в период ее сложения, с ранних времен феодализма вплоть до конца XVII века. Но и в среде последних носителей эпического наследия — крестьян — былина не застывает в определенных и неизменных формах, а продолжает жить творческой жизнью, изменяясь под воздействием социальной среды, местности и личных свойств исполнителя.

3

Проблема подвижности былинного текста в крестьянской среде не сразу была выдвинута в науке о былине. Наоборот, долгое время, начиная с 20—30-х годов XIX века, когда, собственно, и начинается научное изучение «устной словесности», вплоть до второй половины XIX века господствовало представление о механическом сохранении крестьянами эпического наследия, доставшегося им от далеких предков.

Это наследие понималось как результат глубокого в прошлом процесса некоего «коллективного», «безличного», «общенародного» творчества, отразившего «народную душу» и «народную мудрость». Отдельные же изменения в пересказах рассматривались как явления индивидуальной па-

мяти — забывание и вытекающее из него искажение, которое не следует принимать в расчет. Исследователь должен оперировать лишь исконным, подлинным текстом.

Такова была основная конценция в отношении фольклора мифологической школы. Это игнорирование непрекращающихся живых творческих процессов в фольклоре, вытекающее из общей тенденции славянофильства отыскать в прошлом и познать «истинную народность», находило как раз в области былины опору в действительно крепкой традиционности всего композиционного и ритмического ее строя.

Однако, когда новые научные течения второй половины XIX века, связанные с интересами крепнущей буржуазии, выдвинули задачу изучения конкретной действительности, то и в жизни былины были вскрыты следы живого индивидуального творчества, отразившего влияние окружающей обстановки.

Первые шаги в этой области принадлежат А. Ф. Гильфердингу и В. В. Радлову, почти одновременно опубликовавшим свои наблюдения над различным материалом эпического творчества, — Гильфердинг над северными былинами, Радлов над эпическими поэмами сибирских народностей.¹ Оба отме-

---

¹ А. Ф. Гильфердинг, Онежские былины, СПб., 1878; Образцы народной литературы северных тюркских племен. Собраны В. В. Радловым, СПб., 1865.

чали в исполнении певцов-сказителей сосуществование унаследованной традиции и чисто творческих моментов. Эти последние сказываются преимущественно в «ловком соединении готовых уже частичек картины в одно целое», в воссоздании текста на основе усвоенного общего остова былины и «типических» мест. «В каждой былине, — говорит Гильфердинг, — есть две составные части: места типические, по большей части описательного содержания, либо заключающие в себе речи, влагаемые в уста героев, и места переходные, которые соединяют между собою типические места и в которых рассказывается ход действия. Первые из них сказитель знает наизусть и поет совершенно одинаково, сколько бы раз он ни повторял ее; переходные места, должно быть, не заучиваются наизусть, а в памяти хранятся только общий состав, так что всякий раз, как сказитель поет былину, он ее тут же сочиняет, то прибавляя, то сокращая, то меняя порядок стихов и самые выражения».¹ Но и типические места несут отпечаток личности сказителя, так как у каждого имеют свои особенности. По мысли Гильфердинга, как раз именно типические места «все более отражают на себе личность сказителя», так как он производит определенный отбор из массы готовых типических картин.

---

¹ А. Ф. Гильфердинг, Онежские былины, СПб., 1873, стр. XXVII.

Но дело не только в отборе, как думал Гильфердинг. Дальнейшие наблюдения показали, что и типические места сказитель перерабатывает, внося известные изменения и дополнения соответственно своему отношению к изображаемому, своим вкусам и настроениям. Так, при повторении выезда богатыря в погоню за врагом (сперва, например, Алеша Попович или Добрыня Никитич, потом Илья Муромец) обычно в точности повторяется картина снаряжения богатыря, в частности седлания коня. В публикуемом нами варианте «бой Ильи Муромца с сыном» при выезде Добрыни сперва передаются традиционные подробности:

Он ведь скоро седлат то своего коня доб-
рого,
Он седлат, все убирает коня богатырского.
Он двенадцать шелковых упружинок
застегиват... и т. д.

Когда же после возвращения напуганного врагом Добрыни едет сам Илья Муромец, то сказительница делает неожиданное противопоставление:

Недосуг Ильи коня учясывать-углаживать,
Недосуг ему двенадцать шелковых упру-
жинок застегивать...

Вообще особенно четко вырисовываются индивидуальные привнесения на фоне определенной традиции. Так, например, за-

ключительный эпизод былины о Соловье-разбойнике — известное описание исполнения соловьем свиста на дворе Владимира — развернут во всех былинах в традиционном плане изображения общего испуга. Картина эта дает большой простор для юмора. Некоторые сосредоточивают внимание на комической фигуре князя, падающего от страха со стула, укрывающегося «под куньей шубочкой» или под пазухой Ильи Муромца, другие переносят сатирический акцент на бояр, ходящих «окаракою», и т. п. В этих оттенках, в изменениях отдельных деталей не только проявляется степень одаренности исполнителя, его художественное чутье, не только сказывается влияние профессии и особенностей быта, но и находит выражение его социальная психология. Драгоценными штрихами являются, например, такие детали, как возражение князя Владимира послу, сватающемуся за его племянницу: «Моя племянница ведь царская дочь, а жених-то, може, есть батрак»; гневный ответ посла: «Я крестьянский сын и крестьяную, а про богатство и не спрашивай», или следующая выразительная мотивация женой Добрыни Никитича ее согласия на замужество с Алешей Поповичем, данного под влиянием угроз Владимира взять ее к себе в работницы: «Под боярином жить да быдто под чортом, лучше итти мне за Алешеньку в замужество».

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	5
<i>А. Астахова. Русские былины.</i> . .	11

БЫЛИНЫ

Первая поездка Ильи Муромца .	55	383 ¹
Бой Ильи Муромца с сыном . . .	66	384
Илья Муромец и Идолище	76	388
Илья в ссоре с Владимиром . . .	80	389
Илья Муромец и голи кабацкие .	85	389
Василий Игнатьев	92	391
Сухматий (Сухман)	102	392
Неудавшаяся женитьба Алеши .	110	393
Алеша Попович и сестра братьев Збродовичей	125	394
Ставер	128	394
Дюк	139	395
Про Чурилу	155	396
Василий Буслаев	161	398
Василий Буслаев молиться ездил .	171	400
Садко	181	401
Соловей Будимирович	194	402

---

¹ Первая колонка цифр обозначает страницу стихотворения, вторая — примечания.

Вольга	201	403
Вольга и Микула	208	404
Святогор	215	405
Путешествие Вавилы со скоморо- хами	217	406
Гость Терентьище	224	407
Птицы	231	407
Агафонушка	234	410
Старина о льдине и бое женщин .	237	410
Небылица в лицах	238	410
Пародия	240	410
Пародия	241	410
Скоморошья прибаутка	242	411

Исторические песни

<i>А. Астахова. Исторические песни .</i>	245	
Авдотья женка-Рязаночка	251	412
Татарский полон	255	412
Взятие Казанского царства	257	412
Поп Емеля	260	413
Поп Емеля	261	413
Плач о Михаиле Скопине	262	414
Михаил Скопин-Шуйский	263	414
Земский собор	266	416
Сын Степана Разина	269	417
Степан Разин	271	417
Смерть Степана Разина	273	417
Песня разинцев	274	417
Князь Голицын	276	419
Стрелецкая казнь	278	419
Казнь атамана стрелецкого	281	419
Шведский поход	283	420

Ладожский канал	284	421
Прусский поход	285	421
Лопухин-Потемкин	286	421
Работы на линии	288	422
Пожар Москвы	289	422
Чернышов Захар Григорьевич	291	425
Пугачев	293	425
Пугачев и Панин	295	425
Вор Гаврюшка	296	425
Вор Копейкин	298	426
Песни об Аракчееве, I	299	426
» » » II	300	426
Песни о 14 декабря 1825 года, I	301	427
» » » » » II	302	427

Баллады

<i>Н. Андреев. Песни-баллады в русском фольклоре . . . . .</i>	<i>307</i>	
Сестра и брат	333	429
Цюрильё игуменьё	335	429
Девушка-воин	339	429
Гостиный сын увозит девушку на корабле	341	430
Принц ночует у дочери купца	343	430
Пропавшая дочь купца	345	430
Жены покупают волю над мужьями	347	431
Любовник-баран	349	431
Муж-недоросток	351	431
Жена сжигает нелюбимого мужа	353	432
Жена мужа зарезала	354	432
Муж убивает жену по клевете матери	356	433

Ванька-ключник и князь Волхонский	358	433
Любила княгиня камер-лакея . .	361	434
Разбойники и сестра	363	434
Вещий сон девушки у разбойников	366	435
Девица — атаман разбойников . .	368	435
Муж-солдат в гостях у жены . .	371	435
Старец Игренище	373	436
Разгульные монахи	377	436

Примечания

Былины, исторические песни и баллады	381
Исследования, отмеченные в примечаниях. (Былины и исторические песни)	439
Главнейшие собрания былин и исторических песен	442
Главнейшие собрания баллад . . .	446
Исследования	447
Словарь старинных и областных слов.	451